

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА

НА КАВКАЗѢ

въ 1818, 1819 и 1820 годахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Л. Бермана и Г. Рабиновича, Измайловск. просп., д. № 7.

1878.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 22 Марта 1878 года.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА

на Кавказѣ въ 1818, 1819 и 1820 годахъ.

Записки очевидца, служившаго подъ
его начальствомъ, Н. И. Цылова.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года, на рѣкѣ Сунжѣ, былъ сформированъ отрядъ изъ 7000 пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, подъ личнымъ наблюденіемъ Главнокомандующаго Кавказскимъ Корпусомъ, Алексѣя Петровича Ермолова. Подвинувшись верстъ на двадцать отъ р. Терека по берегу р. Сунжи, и избравъ мѣсто для постройки крѣпости,—отрядъ остановился лагеремъ, близъ Ханкальскаго ущелья, на равнинѣ у подошвы горъ, заселенныхъ Чеченцами, сильно намъ враждебными. Въ этомъ-то мѣстѣ, Алексѣй Петровичъ заложилъ крѣпость и назвалъ ее

Грозною. Постройка крѣпости о шести бастіонахъ поручена была Оберъ - Квартирмейстеру Кавказскаго Корпуса Подполковнику Евстафію Ивановичу Верховскому; а въ помощь ему, Ермоловъ назначилъ артиллерійскаго прапорщика Цылова, бывшаго у него постояннымъ ординарцемъ.

Построеніе крѣпости началось немедленно. Непріятель со стороны Ханкальскаго ущелья, во время нашихъ работъ, подскакивая къ строящейся крѣпости, часто насъ беспокоилъ выстрѣлами въ цѣпь, и потому крѣпостныя работы начались тотчасъ же, но успѣху ихъ много мѣшало неприятели, подскакивая со стороны Ханкальскаго ущелья къ нашимъ аванпостамъ и беспокоя ихъ ружейными выстрѣлами.

Для прекращенія этихъ нападеній, А. П. приказалъ вырубить лѣсъ въ ущельѣ, на двѣ версты, и неприятели лишились были возможности подходить къ намъ невидимкой. Солдаты работали весело, молодцами, постоянно съ пѣснями и каждый день получали винныя порціи. Возвращаясь съ работъ, солдатки всякій разъ проходили съ пѣснями мимо ставки Алексѣя Петровича, находившейся въ ста саженьяхъ отъ закладываемой крѣпости. Случилось какъ-то,

что маркитантъ опоздалъ привезти водку и солдатики два дня оставались безъ своего нектара. Не зная, чему приписать это, и не желая оставаться безъ водки, они задумали затянуть переть ставкой Главнокомандующаго известную имъ пѣсню:

„Говорятъ умнѣй они,
Но что слышу отъ любова,
Жоинни, да Жоинни—
А объ водкѣ ни полслова! и т. д.“

Алексѣй Петровичъ расхохотался, и сказалъ: „экіе мошенники! дать имъ по двѣ порціи разомъ,“ что и было исполнено въ тотъ же вечеръ съ прибытіемъ транспорта и маркитанта. Транспортъ такой назывался: „оказіей“; съ нимъ доставлялась провизія, Высочайшіе приказы, газеты, журналы и письма.

Во время постройки крѣпости Грозной, обязанность рекогносцировки лежала на Сотникѣ Ф. Онъ, каждую ночь, съ отрядомъ казаковъ, дѣлалъ разъѣздъ, и на другой день утромъ являлся къ Алексѣю Петровичу съ рапортомъ, что видѣлъ и что узналъ. Однажды, въ то самое время какъ отрядъ возвращался съ разъѣзда, Алексѣй Петровичъ вышелъ изъ

своей ставки и замѣтилъ, что при отрядѣ Сотника Ф. не было, а между тѣмъ, въ опредѣленное время онъ съ рапортомъ явился.— „Знаешь, братъ, сказалъ ему Ермоловъ: какой у тебя скверный деньщикъ; ты только что отправишься въ разъѣздъ,—а онъ тотчасъ и ляжетъ спать на твою койку, да и храпитъ! Я когда нибудь прикажу, хорошенько вздуть его нагайками, чтобъ онъ не смѣлъ ложиться на койку барина,—когда баринъ бываетъ въ разъѣздѣ“. Вслѣдъ за этимъ иносказательнымъ замѣчаніемъ, Алексѣй Петровичъ ужъ напрямикъ отправилъ Ф. подъ арестъ и прибавилъ грозно: „если я еще разъ узнаю, что ты такъ исполняешь свою обязанность, то велю тебя, вмѣсто разстрѣліянія, закопать живаго въ землю!“

Въ крѣпости Грозной была выстроена и землянка для Алексѣя Петровича, въ память котораго она существуетъ и до нынѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, постройка крѣпости была окончена, и были доставлены уже крѣпостныя пушки для ея вооруженія. Алексѣй Петровичъ приказалъ отряду удалыхъ казаковъ, въ числѣ 50-ти человекъ, одну изъ привезенныхъ пушекъ, въ сумеркахъ, поставить въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости и, окруживъ ее, не дви-

гаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока изъ крѣпости не будетъ пущена ракета. Между тѣмъ, 6-ть батарейныхъ орудій, бригады полковника Базилевича, были поставлены на гласисѣ крѣпости, заряженныя картечью, и наведенныя на то мѣсто, на которомъ приказано было отряду казаковъ остановиться со взятымъ ими орудіемъ. Никто изъ насъ не зналъ причины и цѣли распоряженія Алексѣя Петровича, окончившагося блистательно. На разсвѣтѣ, непріятель завидя съ горъ малый отрядъ казаковъ удаленныхъ отъ крѣпости, съ гикомъ бросился на него. Въ это мгновеніе взвилась ракета и казаки, обрубивъ постромки, поскакали съ орудійными лошадьми къ стоящему за крѣпостью баталіону Кабардипскаго пѣхотнаго полка, а орудіе оставили на мѣстѣ. Чеченцы въ числѣ 500 человѣкъ, не видя никакого преслѣдованія, спѣшились и начали тащить пушку. Въ это время, 6-ть батарейныхъ орудій, произвели залпъ картечью, отъ котораго непріятель потерялъ убитыми 40 человѣкъ, оставилъ тяжелую пушку на мѣстѣ, и, не успѣвъ убраться убитыхъ, еле, еле ускакалъ въ горы, преслѣдуемый баталіономъ пѣхоты и отрядомъ казаковъ. Пѣхота на себѣ привезла орудіе въ крѣпость

и тѣмъ дѣло кончилось. Хитрость эту, увѣнчавшуюся блистательнымъ успѣхомъ, Алексѣй Петровичъ употребилъ въ дѣло для наказанія Чеченцевъ, которые безпрестанно беспокоили насъ своими наѣздами и выстрѣлами при построеніи крѣпости. Проученные Чеченцы, долго не покушались болѣе нападать на крѣпость, сдѣлавшуюся дѣйствительно для нихъ грозною.

Черезъ нѣсколько времени, именно 25-го октября 1818 года, Алексѣй Петровичъ, оставя въ Грозной приличный гарнизонъ, повелъ отрядъ въ числѣ 5000 человекъ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ въ Дагестанъ, для усмиренія Лезгинъ взбунтовавшихся тамъ противъ своего владѣтеля Шамхала Тарковского, всегда мирнаго и вѣрнаго слуги Государю Императору и Россіи. Шамхалъ имѣлъ чинъ нашего Генералъ-Лейтенанта, и проживалъ въ своей резиденціи, въ городѣ Таркахъ, стоящемъ на горѣ, въ пяти верстахъ отъ берега Каспійскаго моря. По прибытіи нашего отряда въ Тарки, наступилъ проливной дождь, который непереставалъ лить цѣлую недѣлю, такъ что рѣшительно препятствовалъ дальнѣйшему походу, и

отрядъ испыталъ на дѣлѣ пословицу: „сиди у моря, да жди погоды“.

По грязной, гористой и незнакомой дорогѣ тянулся транспортъ съ снарядами и провіантомъ, и терпя много бѣдствій отъ ненастной погоды, не могъ прибыть къ отряду въ время, и наконецъ, 9-го ноября, въ 25 верстахъ отъ г. Тарки, рѣшительно остановился заметенный снѣгомъ, который въ тотъ день, буквально на аршинъ покрылъ землю. Въ ночь на 10-е число, объ этомъ дано было знать Главнокомандующему чрезъ одного туземца. Очищеніемъ дорогъ въ Дагестанѣ, для удобнаго проѣзда по горамъ артиллеріи, занимался я, и потому Алексѣй Петровичъ. потребовавъ меня къ себѣ, приказалъ, съ 400 жителей города, прочищать всю дорогу отъ снѣга на встрѣчу транспорту. начиная отъ Тарковъ; я взялъ съ собой въ проводники того самаго туземца, который привезъ непріятное извѣстіе объ остановкѣ транспорта, и съ собранною толпою туземцевъ, снабженныхъ набранными въ городѣ кое-какими лопатами, около полудня, принялся за исполненіе приказанія Главнокомандующаго.—Рыхлый и мягкій снѣгъ, а еще болѣе русская водка, много мнѣ помогли въ успѣхѣ работы! Въ два ча-

са по полудни, на другой день, явился я къ Алексѣю Петровичу донести о благополучномъ прибытіи транспорта. Алексѣй Петровичъ, не давъ мнѣ кончить словеснаго донесенія, обнялъ меня, и поцѣловавъ, сказалъ: „ты братъ Директоръ Путей сообщенія!“ Такъ, съ этой поры, постоянно называлъ меня нашъ доблестный вождь!

12-го ноября, когда слегка подморозило, отрядъ выступилъ изъ Тарковъ въ глубь Дагестана верстъ за 50-ть. На разсвѣтѣ 14-го числа, мы подошли къ городу: „Большому Джангутаю,“ гдѣ собралось огромное скопище взбунтовавшихся Лезгинъ. Отчаянная ихъ храбрость, доходила до изступленія; каждый шагъ земли былъ обогрентъ кровію. Усиленная пальба картечью, на отвозахъ впередъ, продолжалась почти два часа; наконецъ, непріятель, громимый артиллерією и поражаемый штыками, долженъ былъ оставить городъ, и бѣгствомъ искать спасенія въ горахъ. Алексѣй Петровичъ, по окончаніи сраженія, лежа на разостланномъ коврѣ, спросилъ листъ бумаги, и положи его на камень, собственноручно написалъ слѣдующій приказъ по отдѣльному Кавказскому корпусу:

„Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, проложили намъ путь въ средину

владѣній Акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ! Страшными явились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали вамъ, бѣгствомъ снискали спасеніе и благодарны за великодушную пощаду!

„Виджу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые! Скажу волю Императора— и препятствія исчезаютъ предъ вами! Заслуги ваши, смѣло свидѣтельствую предъ Государемъ Императоромъ,— и кто достойный изъ васъ не одаренъ Его милостію!

Генераль Ермоловъ.“

14 Ноября 1818 года

Такъ кончилась экспедиція 1818 года, и отрядъ возвратился на зимнія квартиры, частію въ крѣпость Грозную, а частію въ станицы Гребенскихъ казаковъ, легкая артиллерія въ г. Моздокъ, а батарейная въ г. Георгіевскъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1819-го года, Главнокомандующій, желая окончательно возстановить покорность въ Дагестанѣ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, вторично собралъ прошлогодній отрядъ, усиленный Куринскимъ и 8-мъ

егерскимъ полками. По трудному пути, преодо-
лѣвая всѣ преграды, отрядъ добрался до деревни
Андреевской, въ которую русская нога до тѣхъ
поръ не вступала повелительницей.

18-го іюня 1819 года на горѣ, близъ этой
деревни заложена крѣпость съ блокаузами, ко-
торую Алексѣй Петровичъ называлъ: „Внезапная“.
Стѣны крѣпости были возведены изъ сыраго
кирпича, руками солдатъ, они же приготовляли
и самый кирпичъ изъ глины смѣшанной съ со-
ломенною трухою, или какъ туземцы называютъ
съ саманомъ. Вторично, я былъ безсмѣннымъ
ординарцемъ при лицѣ Алексѣя Петровича, и
мнѣ же было поручено построеніе этой новой
крѣпости подъ главнымъ распоряженіемъ Оберъ-
Квартирмейстера подполковника Верховскаго.
Крѣпость Внезапная строилась также при без-
прерывныхъ набѣгахъ Акушинцевъ, упорно
тревожившихъ работы.

Алексѣй Петровичъ мало на кого надѣялся:
гдѣ только можно, онъ лично и зорко слѣдилъ
за точнымъ исполненіемъ его приказаній не
только офицерами, но и рядовыми. Въ походахъ
и въ сраженіяхъ постоянно былъ хладнокровенъ
и шутливъ; въ своихъ распоряженіяхъ, весьма
остороженъ. Эти его свойства и опытность, та-

кое внушали къ нему довѣріе всѣхъ его подчиненныхъ, что каждый увѣренъ былъ, что не встрѣтитъ непріятеля, который бы могъ воспользоваться оплошностію отряда идущаго на бой. Онъ весьма часто напоминалъ всѣмъ его окружающимъ поговорку: „Осторожность есть мать премудрости“ и прибавлялъ, что эту прекрасную поговорку онъ запомнилъ еще изъ прописи, по которой учился писать.

Во время постройки крѣпости Внезапной, весь нашъ отрядъ окружали цѣпи рядовыхъ, а ночью, выставлялась и другая цѣпь, называемая секретною, въ которой часовые стояли другъ отъ друга въ 20-ти саженьяхъ, и потомъ ложились на землю по два въ рядъ. Это правило осторожности соблюдалось и во все время похода при каждой дневкѣ. Въ отрядѣ, какъ выше сказано, находился 8-й Егерскій полкъ, состоявшій большею частию изъ молодыхъ солдатъ. Этимъ полкомъ командовать, бывшій Адъютантъ графа Ланжерона въ 1812-мъ году, полковникъ Шульцъ, молодой, образованный и красивый воинъ, всѣми любимый и уважаемый. Онъ слѣдовалъ съ полкомъ. Не доходя Андреевской деревни, за 40 или 50 верстъ, Алексѣй Петровичъ, изыскивая мѣстность удобную для постройки

ки на ней крѣпости, остановилъ отрядъ на дневку, изная молодость солдатъ 8-го Егерскаго полка, поѣхалъ ночью осмотрѣть—исправно ли размѣщена цѣпь? Замѣтивъ, что нѣкоторые солдаты въ секретной цѣпи спятъ, пригласилъ къ себѣ командира полка Шульца, утромъ рано, и сдѣлалъ ему замѣчаніе на счетъ сонливости его солдатъ. Это замѣчаніе, сильно подействовало на самолюбіе Шульца, и онъ на другую ночь, предъ выступленіемъ отряда послѣ дневки, лично поѣхалъ осматривать секретную цѣпь, взявъ съ собою баталіоннаго командира маіора Ганемана. Ъдучи верхомъ передъ цѣпью, они разговаривали между собою понѣмецки. Лежащій въ секретѣ рядовой его полка, малороссіянинъ Яценко, предполагая въ темнотѣ, что ѣдутъ непріатели, сдѣлалъ изъ ружья выстрѣлъ, которымъ ранилъ въ пахъ своего полковаго командира. По сдѣланному выстрѣлу отрядъ встрепенулся и закричали къ ружью! Въ мгновеніе ока, отрядъ двинулся къ цѣпи по направленію къ выстрѣлу. Маіоръ Ганеманъ, тутъ же донесъ Алексѣю Петровичу о случившемся, и раненнаго Шульца, по приказанію Алексѣя Петровича, принесли къ нему въ кибитку. По сдѣланіи Шульцу перевязки, онъ приказалъ по-

звать къ себѣ рядоваго Яценко, и далъ ему два цѣлковыхъ.

Съ разсвѣтомъ, предполагено было продолжать походъ, но за болѣзнію Шульца выступленіе отряда было отложено. Къ вечеру Шульцъ былъ уже въ бреду, а утромъ скончался. Изъ обозныхъ досокъ кое-какъ сколотили гробъ, обили его старымъ шинельнымъ солдатскимъ сукномъ и черезъ день, въ виду непріятелей похоронили его на курганѣ съ подобающей почестію, съ музыкой и со стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Послѣ погребенія, барабаны ударили генераль-маршъ и отрядъ двинулся въ походъ къ предназначенной цѣли.

Такъ погибъ прекрасный, во цвѣтѣ ^{вѣ}лѣтъ полковникъ, которому предстояло много радостнаго впереди! Но:

Жизнь наша пиръ съ пріятной лаской,
Фортуна—отвориетъ залъ—
Амуръ располагаетъ пляской,
Приходитъ смерть—и конченъ балъ!

Во время построенія крѣпости Вnezапной, именно 18-го августа 1819-го года, непріятель въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, сдѣлалъ формальное нападеніе на крѣпость и на отрядъ

нашъ; но мужествомъ нашихъ храбрыхъ кавказскихъ воиновъ, былъ отбитъ съ большимъ для непріятеля урономъ. Самую упорную непокорность оказывали жители Качалыковскихъ ауловъ. Главнокомандующій съ отрядомъ выступилъ противъ нихъ изъ крѣпости Внезапной и настигъ горцевъ при селеніи Горячевскомъ, истребивъ ихъ жилища, вторгнулся во владѣнія коварнаго врага нашего, Сурхая-Хана, а далѣе, направля отрядъ къ селенію Лаваша, шелъ путемъ почти непроходимымъ; приходилось употреблять неимовѣрные усилія для прорубки дремучихъ лѣсовъ. Силою воли и благоразумія, Алексѣй Петровичъ, съ отрядомъ, достигъ до Лаваша, гдѣ горцы, сосредоточенные въ большихъ силахъ, и возбужденные однимъ изъ ихъ предводителей Амалатъ-Бекомъ, рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, подъ прикрытіемъ возведенныхъ ими огромныхъ заваловъ.

18-го декабря, отрядъ, подъ личнымъ предводительствомъ Алексѣя Петровича, безъ всякаго дѣйствія, долженъ былъ стоять на одномъ мѣстѣ до самаго полудня, такъ какъ въ это время былъ столь сильный въ горахъ туманъ, что въ двухъ, а много въ трехъ шагахъ, нельзя

было различить предметовъ; доказательствомъ тому, служить, что авангардъ нашъ набрелъ неожиданно на одинъ непріятельскій заваль и завладѣлъ имъ безъ выстрѣла, потому что испуганный непріятель, принявъ авангардъ за штурмующія колонны, и убоясь превосходства силъ, ретировался.—Къ двумъ часамъ—прояснилось; горцы, увидя русскихъ, близко подошедшихъ, открыли такой жестокой огонь, что Алексѣй Петровичъ, не откладывая ни минуты, повелѣлъ штурмовать завалы. Пукъ знаковъ отличія военнаго ордена, сжатыхъ въ рукѣ Алексѣя Петровича,—былъ самою блистательною рѣчью. Войско наше быстро двинулось впередъ, штыки склонились грозно стальнымъ гребнемъ, и толпы горцевъ обратились вспять, какъ вихремъ гонимое стадо. Въ селеніи Лаваша нашли много убитыхъ, всѣ живые выбрались въ горы.

На третій день послѣ сраженія, жители селенія Лаваша и другихъ ауловъ явились къ Алексѣю Петровичу съ покорною головою, имѣя на своихъ шеяхъ повѣшенныя шапки. Алексѣй Петровичъ, приказалъ имъ, непременно поймавъ и привести къ себѣ возмутителя ихъ Ама-

латъ Бека *), угрожая въ противномъ случаѣ — сжечь всѣ ихъ аулы.

За симъ описываю случай, характеризующій и Алексѣя Петровича и Амалатъ - Бека, случай, возбуждающій сильное и невольное сочувствіе къ обѣимъ личностямъ:

Когда Амалатъ-Бекъ былъ пойманъ и обезоруженный приведенъ къ ставкѣ Алексѣя Петровича, Алексѣй Петровичъ, черезъ переводчика, приказалъ спросить Амалата: какъ онъ смѣлъ возмутить народъ противъ Тарковского Шамхала, послѣ данной имъ присяги — быть вѣрнымъ Россіи и своему владѣтелю Шамхалу, и поднявъ оружіе, предводительствовать измѣнниками? Амалатъ отвѣчалъ: „мы виноваты всѣ!“ Измѣна его и предводительство надъ измѣнниками были доказаны всѣми его одновѣрцами, сыномъ Тарковского Шамхала, находившимся постоянно въ нашемъ отрядѣ, и увѣреніемъ лазутчиковъ, которые постоянно давали знать Тарковскому Шамхалу о томъ, что Амалатъ-Бекъ постоянно возмущалъ Акушинскихъ жителей. Тоже показывали даже родственники

*) Амалатъ-Бекъ. Подъ этимъ именемъ, въ послѣдствіи, Марлинскимъ, написанъ романъ.

Амалать-Бека. Алексѣй Петровичъ, не сомнѣвался въ измѣнѣ Амалать-Бека, приказалъ его повѣсить! Когда черезъ переводчика, сентенція была тутъ-же, въ присутствіи Алексѣя Петровича, объявлена Амалать-Беку, то осужденный выслушалъ, повидимому, совершенно равнодушно свой приговоръ и въ предсмертную, страшную для всякаго, минуту, наклонился, и сталъ рукою гладить любимую собаку Алексѣя Петровича, около него, Амалата, вертѣвшуюся, восхищался ею, и потомъ, отойдя смиренно отъ ставки Алексѣя Петровича, пошелъ подъ конвоемъ на смерть какъ на пиръ, безъ малѣйшаго признака безпокойства или волненія, возводя только черные прекрасные свои глаза къ небу.

Это обстоятельство такъ поразило Алексѣя Петровича, что онъ тутъ же сказалъ: „Да сохранить меня Богъ лишить жизни человѣка съ такимъ возвышеннымъ духомъ.“ Казнь замѣнена была арестомъ. Впослѣдствіи, любимецъ Алексѣя Петровича, Оберъ-квартирмейстеръ, Евстафій Ивановичъ Верховскій. дѣлавшій съемку въ Дагестанѣ и часто бравшій съ собою Амалата, для указанія мѣстности и дорогъ, — упросилъ Алексѣя Петровича дозволить

ему взять Амалата на свое попеченіе. Алексѣй Петровичъ разрѣшилъ, и Верховскій, поселилъ его въ своей кибиткѣ, и жилъ съ нимъ какъ бы съ пріятелемъ. Но минута неумолимаго мщенія, приближалась хотя медленно, но грозно. Верховскому, въ послѣдствіи былъ поручень въ командованіе особый отдѣльный отрядъ, во время движенія котораго, Амалать-Бекъ постоянно сопровождалъ Верховскаго. Однажды, во время движенія отряда, Амалать, отсталъ отъ Верховскаго, и нагоняя его, — сдѣлалъ выстрѣлъ, которымъ убилъ своего благодѣтеля на повалъ, а самъ укакалъ въ горы въ лѣсъ, по знакомому ему пути! Такова азіатская кровь! Это случилось, послѣ двухлѣтняго нахожденія Амалать-Бека, при Верховскомъ, и когда Алексѣй Петровичъ находился уже въ Тифлисѣ. — Возвращаясь ко времени сраженія при селеніи Лаваши, послѣ котораго, Алексѣй Петровичъ, отдалъ слѣдующій приказъ:

„Еще наказуя противныхъ, надлежало, войны, вознести знамена наши на вершины Кавказа, и войти съ побѣдою въ ханство Казокумыцкое! Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ сіе приказаніе! И вы, непріятеля, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твер-

дыхъ, упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали!

„Бѣжитъ коварный Сурхай-Ханъ, и владѣнія его—вступили въ подданство Великаго нашего Государя! Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ! О дѣлахъ вашихъ храбрые воины, донесу Императору; знаетъ Онъ и труды воиновъ, и опасности раздѣлялъ съ ними!

Генералъ Ермоловъ
18-го Ноября. 1819 года.

Такъ кончилась знаменитая экспедиція 1819 года. Въ награду я получилъ чинъ Подпоручика. Объ этой наградѣ я потому только пишу, что Алексѣй Петровичъ—не позволялъ пить водку Прапорщикамъ.

Когда отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры, мы слѣдовали тѣмъ же путемъ, по которому шли и къ деревнѣ Андреевской. Проходя мимо кургана, въ которомъ было погребено тѣло полковника Шульца, отрядъ остановился, чтобы отслужить панихиду по покойномъ. Взойдя на высоту Кургана, мы были поражены: могила была разрыта и гробъ съ прахомъ его—украденъ!

У горцевъ было обыкновеніе—выдавать нашихъ плѣнныхъ тогда только, когда ихъ выкупаютъ, и въ этомъ случаѣ, они предполагали, что и за тѣло Шульца будетъ имъ предложень выкупъ. Но мы, отслуживъ панихиду по покойномъ, тотчасъ же отправились въ путь, не дѣлая никакихъ розысканій, во первыхъ потому, что не было въ томъ никакой надобности, а во вторыхъ, горцы послѣ покоренія Дагестана обратились въ мирныхъ жителей, и на обратномъ нашемъ пути, оказывали намъ усердныя свои услуги.

По возвращеніи Алексѣя Петровича въ Тифлисъ, въ концѣ апрѣля мѣсяца 1820 года, онъ получилъ донесеніе, что командиръ 44-го егерскаго полка, расположеннаго въ Гуріи, полковникъ Пузыревскій, измѣнническимъ образомъ убить въ горахъ нѣкимъ горцемъ Коихаре-Гуріаломъ. Убіиство это было сигналомъ къ возмущенію Имеретинской, Мингрельской и Гурійской провинцій. По этому злодѣйскому случаю, Алексѣй Петровичъ послалъ въ 44-й егерскій полкъ слѣдующій приказъ:

„Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ Великому Государю отличнаго; попеченіемъ о васъ примѣрнаго! Жа-

лѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлаго измѣнника! Вмѣстѣ съ вами, не забуду какъ надлежитъ отмщевать, за гнусное убійство начальника! Я покажу Вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Коихаре-Гуріаль, не оставьте камня на камнѣ въ семь убѣжищъ злодѣевъ, ни одного живаго не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ! Требую, храбрые товарищи, дружескаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрными подданными Императора! Приказываю, наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ. 28 апрѣля 1820 года.

Генераль Ермоловъ.

Въ тоже время 44 егерскій полкъ, съ присоединеннымъ къ нему однимъ баталіономъ Херсонскаго Городскаго полка, и однимъ баталіономъ 7-го Карабинернаго, подъ начальствомъ начальника штаба Кавказскаго корпуса, Генераль-Маіора Алексѣя Александровича Вельяминова, былъ посланъ въ аулъ, гдѣ жилъ убійца. Мщеніе совершено: Пойманный Коихаре-Гуріаль и его сообщники истреблены, а аулъ, за непокорность жителей, сожженъ до тла!

Примѣчаніе. Врагъ храбрый, прямодушный
во сто разъ лучше друга ложнаго, коварнаго и
неблагороднаго.

Полковникъ Пузыревскій измѣннически убить въ 1820 году, а полковникъ Верховскій, тоже измѣнническимъ образомъ, убить тремя годами послѣ Пузыревскаго. Эту лемму, какъ предвареніе, слѣдовало высказать, для того, чтобъ несчастіе, одной прелестной дѣвицы: „Изабеллы“ соединить съ фамиліями Пузыревскаго и Верховскаго. Первый изъ нихъ, былъ женихомъ Изабеллы и измѣннически убить предъ сватьбой. По прошествіи двухъ лѣтъ, прелестная Изабелла была невѣстой Верховскаго, который, тоже измѣннически, за мѣсяць до сватьбы убить, Ама-латъ-Бекомъ! Вотъ судьба Изабеллы!

Ты счастье поутру—
Какъ ясный день свѣтилось,
Померкло къ вечеру,
И съ солнцемъ закатилось!...

Въ 1818 году, Алексѣй Петровичъ, проѣздомъ, полюбопытствовалъ посмотрѣть ничтожную земляную крѣпостцу, именуемую: „Темно-лѣская“. Эта крѣпостца, получила такое названіе потому, что находилась близъ непроходимаго казеннаго лѣса, оберегаемаго лѣсничимъ Н, который проживалъ въ этой крѣпостцѣ. По пріѣздѣ Алексѣя Петровича, разумѣется всѣ

власти представились къ нему, въ томъ числѣ и лѣсничій Н. Поговоривъ съ каждымъ, онъ, между прочимъ, спросилъ лѣсничаго:

„Ну какъ вашъ лѣсъ, процвѣтаетъ?“

Все благополучно, Ваше Высокопревосходительство! Отвѣтилъ лѣсничій.

— Опасности ѣхать нѣтъ?

Никакой, Ваше Высокопревосходительство!

Напившись чаю и закусивъ, Алексѣй Петровичъ поѣхалъ по дорогѣ далѣе, черезъ лѣсъ, приказавъ лѣсничему, себя проводить.

Проѣхавъ не болѣе версты, Алексѣй Петровичъ замѣтилъ въ лѣсу домикъ, и спросилъ лѣсничаго: „это что за дворецъ?“

— Здѣсь строятъ у меня повозочки, Ваше Высокопревосходительство, отвѣтилъ лѣсничій; а у домика стояли двѣ арбы, одна изъ нихъ уже готовая. (Арба, грузинское слово, это двухъ-колесная повозка, на большихъ колесахъ).

— Хорошо, хозяйственно! сказала Алексѣй Петровичъ, лѣсъ хорошъ!

Далѣе, проѣхавъ еще съ полверсты, Алексѣй Петровичъ опять спросилъ его:

„А это что за замокъ? указывая на избушку.

— Здѣсь живетъ угольная команда, Ваше Высокопревосходительство!

Прекрасно, любезный! Да ты великій хозяинъ, сказалъ Алексѣй Петровичъ.

Пріѣхавъ на станцію, пока перепрягали лошадей, онъ обратился къ лѣсническому и сказалъ ему: „Ты, братъ, хотя и прекрасный хозяинъ,— но вмѣстѣ съ тѣмъ и великій преступникъ! Какъ ты осмѣлился исказить древнюю русскую поговорку: „Чѣмъ дальше въ лѣсѣ, тѣмъ больше дровъ“. А во ввѣренномъ охраненіи твоему лѣсѣ, наоборотъ выходитъ, чѣмъ дальше въ лѣсѣ—тѣмъ меньше дровъ“. Отпустивъ лѣсничаго, уѣхалъ далѣе.

Обстоятельство это, дошло и до лѣснаго начальства, которое, чрезъ нѣсколько времени, за разныя злоупотребленія лѣсничаго Н отдало его подъ судъ, и онъ былъ уволенъ отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда его не опредѣлять.

Прошло около 20 лѣтъ, именованный лѣсничій именно въ 1838 году, когда Алексѣй Петровичъ былъ въ Петербургѣ, какъ-то пронюхалъ, что я, одинъ изъ самыхъ къ нему приближенныхъ лицъ, отыскалъ меня и явился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я, во спасеніе его и огромнаго его семейства, упросилъ Алексѣя Петровича о помилованіи, такъ какъ онъ находится въ бѣдственномъ положеніи, не имѣя права никуда

опредѣлится, и что если Алексѣй Петровичъ, слово скажетъ Графу Закревскому, то его опредѣлятъ на службу. По добродушію, я взялъ отъ него докладную записку, и сказалъ ему: „хорошо, я покажу Алексѣю Петровичу эту записку, но врядъ ли онъ возьмется исполнить вашу просьбу, присовокупивъ: что можно—сдѣлаю,—прощайте! Лѣсничій ушелъ вмѣстѣ съ прелестною своею 17-ти лѣтнею дочкою, которую онъ привелъ съ собою, вѣроятно для большаго убѣжденія меня къ склоненію принять участіе въ его просьбѣ.

На другой день, Алексѣй Петровичъ, какъ-бы легокъ на поминѣ, въ 8 часовъ утра приѣхалъ къ намъ, и находясь въ хорошемъ расположеніи духа, шутилъ и на балконѣ пилъ съ нами чай. Воспользовавшись его веселостію, я разскалъ ему о просителѣ, который вчера меня атаковалъ. Алексѣй Петровичъ спросилъ меня „какой такой лѣсничій?“ я съ балкона побѣжалъ въ кабинетъ, отыскалъ докладную записку, принесъ и подалъ ее.

Алексѣй Петровичъ началъ читать записку лѣсничаго. Во время чтенія онъ улыбался, и часто говорилъ: помню, помню; по прочтеніи же записки, отдавая, ее мнѣ, сказалъ: „Ну братъ

Николай, скажи ему, что и я уволенъ отъ службы.“

Алексѣй Петровичъ родился въ 1776 году и скончался 11-го апрѣля 1861 года. Жилъ 85 лѣтъ. Вотъ надгробіе ему написанное:

„Любовь народную—ты громко пріобрѣлъ,
И вмѣстѣ съ нею ты—въ блаженный міръ сошелъ!
Молитва за тебя—отъ низшаго до знати,
Молитва за тебя и храброй Русской рати!

Много было напечатано газетныхъ статей и разныхъ свѣдѣній, о жизни и службѣ, Алексѣя Петровича.

Изъ собранныхъ свѣдѣній, вотъ что достойно повторенія: Начало извѣстности Алексѣя Петровича относится къ 1807 году. Тогда въ арміи Бенигсена не было солдата, который бы не зналъ полковника Ермолова. Съ 1812 года русская армія видѣла въ немъ заботливаго представителя русской славы; офицеры—отличнаго боеваго генерала, одареннаго рѣдкою способностію соединять требованія строгаго исполненія долга съ чарующею всѣхъ привѣтливостію; солдаты—военачальника, при распоряженіяхъ котораго, они всегда имѣли успѣхъ на своей сторонѣ и поражали врага, военачальника, который не расточалъ по напрасну словъ, но мѣт-

ко умѣть бросить электризующую фразу, напомнить каждой части блистательнѣйшій изъ совершенныхъ ею подвиговъ,—и когда войска вернулись изъ Франціи, имя Ермолова было всегда „*красою въ разсказахъ*.“ Такъ отзываются современники той эпохи, и этимъ путемъ имя Ермолова стало популярно.

Прислушаемся къ литературѣ того времени, мы въ ней увидимъ, подтвержденіе словъ современниковъ. Жуковскій, воспѣвая Бородино, говоритъ:

„Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ—братъ, ты жизнь—полкамъ,
И страхъ твои перуны“.

Вся Россія повторяла за молодымъ Пушкинымъ:

„Смирись Кавказъ, идетъ Ермоловъ“.

Подъ свѣжими впечатлѣніями Наполеоновскихъ кампаний, въ 1819 году были написаны С. Ушаковымъ: „Дѣянія Россійскихъ полководцевъ“. Приведемъ оттуда нѣсколько словъ объ Ермоловѣ, выражающихъ, какъ тогда смотрѣли на него въ Россіи.

„Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, принадлежить къ числу тѣхъ отличныхъ мужей, кои основали славу свою не на искательствѣ, но на личныхъ своихъ заслугахъ, будучи во всѣ времена истинными сынами отечества и вѣрнѣйшими исполнителями возложенныхъ на нихъ обязанностей. *Дѣла его гласны не реляціями, но уваженіемъ къ нему сотрудниковъ,* отдающихъ ему единодушно должную справедливость.

Генераль-Маіоръ А. И. Писаревъ, въ своихъ военныхъ письмахъ говоритъ: „Признательная Россія не забудетъ сего вѣрнаго сына отечества, когда онъ всю тяжесть бремени 1812 г., держалъ на раменахъ своихъ, будучи начальникомъ главнаго штаба при фельдмаршалѣ князѣ Смоленскомъ, за симъ въ 1813 году начальствовалъ надъ всею дѣйствующею въ арміяхъ артиллеріею, а въ 1814 году достойно предводительствовалъ Императорскою гвардіею, и велъ оную къ славѣ и безсмертію!—“

Въ частыхъ сношеніяхъ, въ кругу вельможъ, Ермоловъ строго держалъ себя въ предѣлахъ тѣхъ средствъ къ жизни, которыми могъ располагать, не скрывалъ своихъ лишеній, никогда не терялъ самостоятельности, а всегда

отличался независимостью своихъ сужденій и поступковъ.

Примѣчаніе. Произведенный въ офицеры 15-ти лѣтъ, Ермоловъ въ теченіе первыхъ 7-ми лѣтъ службы участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и на Кавказѣ. Въ это время онъ былъ уже подполковникомъ и сталъ извѣстенъ арміи, какъ награжденный георгіевскимъ крестомъ рукою Суворова.

Оканчиваю портретомъ А. П. Ермолова:

„На полѣ грозный мечъ—въ совѣтахъ умъ глубокій
Отъ колыбели въ даръ тебѣ обречены!
Не ты наградами—онѣ тобой высоки,
Герой! краса сыновъ Отеческой страны!
Ты не вотще понесъ труды кровавой брани
И Азіи сыновъ—строптивый духъ смирилъ!
Потомокъ славянинъ—платя восторгу дани,
Воскликнетъ съ гордостью: Ермоловъ Русскій былъ!“

Н. Цыловъ.

